

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ОТЗВУКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В АРАБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Начало XX в. заставило во всех странах Востока обратить взоры к России. Раскаты загрепевшей русско-японской войны гулко отозвались не только на Дальнем, но и Ближнем Востоке. Если она произвела потрясающее впечатление, то все же более вдумчивые наблюдатели и в войне и в других явлениях быстро увидели предвестников приближающейся революции. Для арабов война прозвучала громко, и отголоски ее слышались еще и через десятилетие, даже после Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1923 г. в Бейруте был издан сборник произведений одной из наиболее популярных сирийских писательниц Сельмы Са'иг (род. в 1889 г.).¹ В нем помещен рассказ «Хайфа' из Дейра», действие которого происходит уже после первой мировой войны и утверждения французского мандата в Сирии. В связи с именем героини автор делает отступление вообще об именах, принятых на Ливане:²

«Удивительны имена на Ливане! Стоишь ты у какого-нибудь ручейка там и слышишь, как женщина зовет своих детей именами настоящими арабскими: Хайфа! Су'ад! Асад! Дыргам! А другая кричит: Бешпр! Рбкуз! Игна'тыйус! Энвер! Страницы проходят у нас в мыслях, и мы вспоминаем Ливан феодальный и Ливан клерикальный. . . А потом Ливан, воодушевленный свободой турков и их конституцией. Иностранец поражается, когда постоянно слышит имена Эдмон, Роберт, Виктор, которые произносят крестьянки с акцентом внутренисирийским³ или северным, или шуфским.⁴ Ему говорят — это результат влияния эмиграции или один из показателей распространения европейского влияния по берегам Ближнего Востока. Но что вы скажете про того эмигранта, который пришел в восторг от принципов президента Соединенных Штатов и назвал своего сына Рузвельт, или про того православного, у которого среди сыновей имеется один по

¹ Краткая заметка о ней в книге К. Т. Khairallah—«La Syrie» (Paris, 1912, 112—113) и у меня в предисловии к «Образцам новоарабской литературы» (I, Лгр., 1928, XXII—XXIV). Ср.: С. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, III. Supplementband. Leiden, 1939, 415, e.

² Перевожу по тексту в «Образцах новоарабской литературы» (I, 238,10—239,4). Содержание рассказа изложено К. В. Оде-Васильевой (ЗКВ, V, 1930, 304—305).

³ Собственно «долинным»: ал-Биқа' — название большой долины, расположенной между Ливаном и Анти-Ливаном.

⁴ Шуф — юго-западная область Ливана.

имени Куропаткин? Поверьте, что я не шучу: в том, что я говорю, нет и следа риторической гиперболы. Случай действительный, мальчик и теперь жив и здоров, а имя его если не Куропаткин, то очень похожее на него из знаменитых русских фамилий, например Романов, Сазонов или Макаров — выбирайте, что хотите».

Так эхо русско-японской войны звучит в Сирии и в третьем десятилетии XX в. В революции 1905 г. арабам разобраться было нелегко. Как все революционные вспышки в России, она представлялась им в смутных очертаниях действий «нигилистов»; историческую действительность этот образ отражал очень расплывчато, но самый термин утвердился прочно и дожил даже до Великой Октябрьской социалистической революции. И здесь можно найти не один характерный пример.

Умершему в 20-х годах египетскому писателю 'Бисе 'Убейду принадлежит рассказ «Дневник Хикмет Ханум», в котором рисуется первый этап революционного движения в Египте в 1919 г., когда женщины приняли открытое участие в уличных демонстрациях. Самый рассказ помещен в сборнике, напечатанном в Каире в 1921 г. Героиня в своем дневнике под 11 апреля 1919 г., между прочим, пишет:¹

«Не знаю почему, сегодня у меня в мыслях книга, которую я читала давно, о нигилистах. Я задумалась о той роли, которую играла русская женщина, чтобы приобрести свободу своей родины. Какие только страдания пришлось ей перенести на пути к этому — и ссылку, и тюрьму, и болезни, и холод, и голод! И в душе у меня вспыхнули чувства сострадания и нежности, а вслед за ними восторг и стремление к самопожертвованию».

Как мы еще увидим, «нигилисты» действуют и в единственном известном нам арабском романе, который посвящен революции 1905 г.

Русско-японская война нашла свое литературное отражение не в одной Сирии, которая больше других арабских стран была связана с Россией и своей торговлей, и своими школами, и молодежью, иногда получавшей образование у нас. Уже через два месяца после начала войны один из двух наиболее популярных поэтов Египта Мухаммед Хафиз Ибрахим (1871—1932)² напечатал в апреле 1904 г. стихотворение «Японская девушка».³ Без особенно конкретных черт, в обычных для арабской поэзии того времени сентиментально-патетических тонах в нем воспевался патриотизм японских женщин — сюжет, не редкий и в западной литературе того же периода. Через полгода, 10 ноября 1904 г., он отозвался большим произведением «Японско-русская война»,⁴ где фигурирует уже целый ряд имен японских и русских деятелей, но этим и ограничивается весь конкретный материал. И в этих стихах и в отдельных намеках⁵ на события русско-японской войны, которые попадают в произведения Хафиза Ибрахима не только в 1904,⁶ но и в 1907⁷ и 1910 гг.,⁸ можно определенно видеть следы известного японофильского настроения. В этом смысле он не был одинок:

¹ Перевожу тоже по «Образцам» (I, 190, 17—22). Некоторые отрывки из рассказа переведены К. В. Оде-Васильевой (ЗКВ, V, 1930, 301, 302, 305).

² О нем см.: В г о с к е л м а н н, *op. cit.*, III, 57—71.

³ Диван, изд. 1907 г., II, 9—14; изд. 1937 г., II, 7—10. Его упоминает Brockelmann (*loc. cit.*, 62).

⁴ Изд. 1907 г., II, 18—23; изд. 1937 г., II, 10—14.

⁵ Ср.: В г о с к е л м а н н, *op. cit.*, III, 62.

⁶ Изд. 1937 г., I, 31, 2 (19 марта 1904 г.).

⁷ Там же, I, 46, 1 (сентябрь 1907 г.).

⁸ Там же, II, 65 ult (9 марта 1910 г.).

многие представители не только арабского народа думали тогда, что пример Японии окажется полезным для народов Востока в борьбе против европейского проникновения. Нельзя, однако, забывать и другие настроения Х̣афиза Ибра̣хима. Мы не знаем, когда возникло его знаменитое стихотворное обращение к арабской поэзии современности, задавленной грузом вековых традиций; во всяком случае, оно имеется уже в издании 1909 г.¹ Он кончает его словами:

«Настало время, стих, разбить оковы, которыми связали нас зовущие к несуществующему теперь. Снимите же с нас эти намордники, дайте нам вдохнуть ветерок с севера».

Комментатор первого издания поясняет, что под «севером» поэт разумеет Европу вообще, но если обратить внимание на дату, скорее можно считать наем направленным на русские события.

В более широком масштабе другого рода настроения сказывались в поэзии сирийских арабов, главным образом ливанцев, симпатии которых в известных кругах были направлены в сторону России. Условия Абдулхамидовского режима в начале XX в. в Сирии были не таковы, чтобы какие-либо намеки с этой тенденцией могли появиться в местной печати в Сирии. Они нашли себе выход в арабской прессе Америки, где мы можем установить не случайные уже отражения, как у Х̣афиза Ибра̣хима, а определенное течение, захватившее целый ряд поэтов, иногда достаточно крупных. Ко времени русско-японской войны в Америке, как северной, так и южной, образовалась довольно значительная арабская колония, состоявшая, главным образом, из выходцев все с того же Ливана, которая принесла настроения своей родины. Нельзя сказать, чтобы в этом смысле они соответствовали общему тону американской политики, которая в этом вопросе была далеко не на стороне России. Тем более интересно, что руссофильскую тенденцию представляет здесь не одно арабское имя.

Наиболее крупным среди них оказывается достаточно популярный поэт Ас'ад Рустум (род. в 1875 г.), уроженец местечка Шувейр на Ливане, уже с 1892 г. переселившийся в Соединенные Штаты.² Его стихи славятся, главным образом, нотками юмора и сатиры, которым не малую остроту придает излюбленная им система пользования в рамках литературного языка чисто народными формами близкого ему ливанского диалекта. В 1908 г. он выпустил большой сборник своих стихотворений, напечатанных за период 1900—1907 гг. в разных американских, преимущественно нью-йоркских, газетах.³ Сюжеты их разнообразны, но даже при беглом просмотре поражает самое количество произведений, посвященных русско-японской войне или вызванных ею. О характере их нетрудно судить по некоторым заглавиям: «Красный крест на войне» (стр. 56—58), «Русско-японская война» (103—104), «Военная песня русских» (125), «Порт-Артур» (144—145), «Петр и Екатерина на Пруте» (266—268), «Генерал Куропаткин» (295—296), «Случай на войне» (310—312), «Гаагская конференция» (321—322) и т. д. Проникающий их своеобразный патриотизм носит, конечно, очень элементарный характер, навеянный, вероятно, журналами типа «Нива», но несомненной симпатии к России отрицать нельзя: иногда она идет глубже и сказывается в огорчении по поводу русских неудач («Один за другим», стр. 42—43) и в несколько

¹ I, 115—116; изд. 1937 г., ч. I, 237—238. Полностью стихотворение переведено мною в «Востоке» (IV, 1924, 111—112).

² В г о с к е л т а н, op. cit., III, 440—442.

³ Диван Рустум, Бейрут (ал-Матба'а ал-адабийя), 1908, 3^о, 400 стр.

наивных попытках осветить их причины, которые поэт видит в отсутствии единства в русском государстве (стр. 103).

Менее известен другой поэт, тоже ливанец, Сулейман Да'уд Селаме, один из сотрудников наиболее распространенной нью-йоркской газеты «ал-Худā» («Прямой путь»). В 1905 г. в том же Нью-Йорке он издал свой сборник стихотворений;¹ достаточно и здесь взглянуть на заглавия некоторых пьес, чтобы догадаться об их характере («На объявление войны Японией», «Россия и Япония», «Русско-японская война», «Порт-Артур» и т. д.). Арабская колония в Южной Америке нашла своего выразителя в лице литератора Қайсара Ибраһима Ма'лүфа, представителя очень известной в Сирии фамилии, которая дала целый ряд ученых и литераторов.² С 1898 г. он редактировал в Сан Паоло одну из первых здесь арабских газет «ал-Барāзиль»,³ которая считалась очень вольнодумным органом арабской прессы.⁴ В 1904 г. в Сан Паоло он выпустил небольшой сборник своих стихотворений «Тазқар ал-мухāджир» («Воспоминания эмигранта»);⁵ перелистывая его, мы опять найдем те же сюжеты («Гаагская конференция», «Война в России», «Русская девушка», «Порт-Артур» и т. д.).

Что настроение целого ряда сирийцев, и не покидавших родины, отвечало такому же направлению, — мы можем видеть на примере известного деятеля в Дамаске Фāриса ал-Хұрй (род. в 1877 г.).⁶ В начале XX в. он был еще совсем молодым человеком, а во время мировой войны выдвинулся как один из лидеров арабского национального движения, в котором играл большую роль на ряду со своим другом доктором 'Абд ар-Рахмāном Шахбендером. Одинаково он близок к науке и литературе, почему с основания Арабской академии в Дамаске состоял ее членом. На события русско-японской войны он откликнулся четырьмя большими стихотворениями, которые первоначально были опубликованы в дамасском журнале «ал-Муқтабас» («Факел»), а затем в отдельном сборнике под названием «Вақā'и' ал-харб» («События войны»), напечатанном уже в Египте в 1324/1906 г.⁷ Его стихи носят более серьезный характер: в них уже не чувствуется той приторной иногда сентиментальности, которая нередко ощущается в ранее упомянутых сборниках, нет и ярко выраженных симпатий, но все же общее настроение склоняется в пользу России. Издание в Египте позволило Фāрису ал-Хұрй дополнить стихи очерком событий русско-японской войны и некоторым комментарием, а в приложении поместить перевод известного письма Л. Тол-

¹ В Ленинграде этот сборник мне недоступен, и я пользуюсь выписками, сделанными мною в Сирии в 1908—1910 гг., равно как некоторыми замечаниями в статье «Арабский вопрос и русские симпатии» [СПб. вед., 3 (16) июля 1909 г. № 146, стр. 2]. Вторая часть его дивāна вышла там же (ал-Маṭба'а ас-сұриййа ал-американййа) в 1928 г. (8^о, 90 стр.).

² Краткие замечания о нем см.: Brockelmann, op. cit., III, 448, № 11; G. Kampffmeyer, Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin, Jahrg. XXXI, 1928, Abt. II, 158—159.

³ См.: Шукрй ал-Хұрй, ат-Тухфа ал-'аммиййа (ау Сафар Финийāнұс), Сан Паоло, 1902, 93—94.

⁴ Ср. отзыв клерикального журнала «ал-Машриқ», V, 1902, 621.

⁵ Как и предшествующий, он в настоящее время мне недоступен. Такая дата напечатания указана в упомянутой статье «С.-Петербургских Ведомостей»; Й. Саркйс (Му'джам ал-маṭбұ'ат ал-'арабиййа, Каир, 1928, 1767) дает 1905 год, как и следующий за ним Brockelmann (op. cit., III, 448).

⁶ Brockelmann, op. cit., III, 353—354, а. — G. Kampffmeyer, MSOS, XXVIII, Abt. II, 1925, 272—276.

⁷ Саркйс, ук. соч., 849. — Brockelmann, op. cit., III, 354. Самый сборник мне недоступен, и я сужу о нем, помимо указанных источников, главным образом по извлечениям, которые дал Kampffmeyer (op. cit., XXVIII, 1925, 272—276).

стого Николаю II в 1902 г. Этот пример очень ярко нам показывает, как русско-японская война подводила иногда арабов и к фактам, которые могли служить для них непосредственным предисловием к революции.

Если поэзия, в общем, довольно живо откликнулась на события, происходившие в России, то количество отражений в художественной прозе значительно меньше. По существу это понятно: у арабов в ту эпоху еще не было в этой области гибкого, подходящего жанра, так как форма новеллы — мелкого рассказа — достигла расцвета только в период после первой мировой войны; приходилось прибегать к достаточно громоздким категориям трагедии или романа, приближавшегося по типу к историческому. Опыты и в том и в другом случае буквально можно считать единицами.

Иногда русские события оживляли здесь давно возникшие произведения. Так, в 1905 г. заслуженный коптский деятель в Каире Вахбй Тадрӯс напечатал свою трагедию «Петр и Алексей», впервые поставленную на школьной сцене еще в 1886 г.¹ Автор известен как давний педагог, опубликовавший, начиная с 1292 (1875) г., несколько учебников грамматики и школьно-литературных сочинений; очевидно, в связи со своими педагогическими обязанностями, еще в 1884 г. он сочинил пьесу для ученического театра на известный сюжет легенды об Иосифе Прекрасном, за которой через два года последовала предназначенная для той же цели пьеса «Петр и Алексей».² Что издание ее было вызвано русско-японской войной, — об этом ясно говорит состав книжки: сама пьеса занимает лишь около четверти ее (стр. 62—110). Начало кратко говорит об истории Египта (стр. 17—27) и арабском театре (27—30), после чего достаточно подробно излагается история Петра (30—61), а за трагедией следует история России (111—128), заканчивающаяся историей Николая II (128—154), которая доведена до окончания русско-японской войны и восстания броненосца «Потемкин» с некоторыми сведениями из биографии Микадо. Все это изложено грамотно и без особых фактических недоразумений на основе каких-то западных, вернее всего французских источников; в выдвигании роли японского императора опять чувствуется некоторая симпатия, направленная в эту сторону.

О самой пьесе долго говорить не приходится: это типичное произведение для школьного спектакля, одно из тех, которые десятками сочинялись во второй половине XIX и в начале XX в. учителями для ученических представлений. Оно насквозь проникнуто элементарными дидактическими тенденциями и лишено каких бы то ни было сценических достоинств. Все сводится к растянутым монологам в высоком стиле рифмованной прозы, нередко прерываемой шаблонными стихами, которые в немалом количестве влагаются, между прочим, в уста Петра. Для нас вся книжка любопытна почти исключительно как показатель известного внимания к России, пробудившегося под влиянием русско-японской войны и революции.

Если Вахбй Тадрӯс в связи с этими событиями только несколько подновил свое старое произведение, то, конечно, не было недостатка и в таких, которые возникали непосредственно в те же дни. Среди них выделяется несомненными достоинствами роман Йа'қуба Сарруфа (1852—1927) «Фатāt Миср» («Египетская девушка»), хотя и он по существу имеет к России только

¹ Книжка носит вычурное название «ал-Асар ан-нафис фй та'рйх Бутрус ал-акбар ва мухāкамат Алексйс» [Булак (ал-Матба'а ал-амйриййа), 1322 (=1904—1905), 16°, 160 стр.]. На стр. 156 указано, что печатание закончено в начале второй Джумāды 1323 года (= в августе 1905 г.). На последней странице обложки приведен отзыв газеты «ал-Вақā'и' ал-мисриййа» за 1886 г., № 53, от 5 мая, о представлении пьесы.

² Основные сведения о них дает Саркйс (ук. соч., 1924—1925).

косвенное отношение. Автор — очень крупная фигура арабской журналистики в XIX—XX вв.¹ Еще в 70-х годах он основал в Бейруте научно-популярный орган «ал-Муктатаф» (сборник). Условия абдулхамидовского цензурного режима быстро заставили перенести его в Египет, где положение было несколько удовлетворительнее. Постепенно он приобрел прочный и достаточно широкий круг читателей, сохранив свое значение и до настоящих дней уже после смерти Сарруфа. Являясь убежденным поклонником английской системы науки и образования, Сарруф оказал очень большие услуги арабскому обществу своей популяризаторской деятельностью в журнале, поставленной серьезно и систематически. Если второй параллельный орган «ал-Хилляль» («Полумесяц»), основанный несколько позже земляком Сарруфа Зейданом, уделял преимущественное внимание истории и литературе, то «ал-Муктатаф» направлял свои интересы, главным образом, в сторону естественных и социально-экономических наук; современники склонны были величать Сарруфа даже философом. Быть может по примеру Зейдана, известного как романист, Сарруф решил испробовать свои силы и в этой области, поместив в связи с русскими событиями, первоначально в своем журнале, роман «Египетская девушка». Вскоре он вышел отдельной книгой² и до 1922 г. выдержал четыре издания.³ Успех побудил Сарруфа продолжить опыты в этом направлении: в 1907 г. он выпустил второй роман: «Амир Любнан» («Ливанский эмир»), в 1908 — третий: «Фатат Файйум» («Девушка из Фаюма»),⁴ на которых нам нет нужды теперь останавливаться.

Интересующий нас роман обладает крупными достоинствами, если не с узко художественной стороны, то по своим богатым материалам для характеристики взглядов арабской интеллигенции на мировые события 1904—1905 г. Серьезным подходом и вдумчивым отношением он сильно выделяется из ряда других аналогичных произведений не только на арабском языке; его воспитательное значение для некоторых слоев арабского общества справедливо подчеркнул известный профессор бейрутского университета Джебр Думит (1859—1930)⁵ в письме, опубликованном при отдельном издании книги.⁶

Основными действующими лицами романа являются брат и сестра Генри и Дора Броун, дети издателя газеты «Лондон Ньюс», которых отправляют корреспондентами в Японию незадолго до начала русско-японской войны. По пути, в связи с делами прессы и финансовыми операциями, они останавливаются на некоторый срок в Египте, где завязывается ряд сложных романтических интриг, несколько перегружающих действие. На дороге в Япо-

¹ В г о с к е l m a n n, *op. cit.*, III, 215—217.

² Дата на этом издании (Магба'ат ал-ма'ариф, 8^о, стр. 5, 191), которым я пользуюсь, отсутствует; повидимому, оно вышло в 1905 г.

³ Н. P é r è s. Le roman, le conte et la nouvelle dans la littérature arabe moderne. *Ann. de l'Inst. d'Études Orientales*, t. III, année 1937, Alger, 64 (329), № 633. — В г о с к е l m a n n, *op. cit.*, III, 215.

⁴ Упоминание об этих романах см.: P é r è s, *op. cit.*, 64 (329), № 634—635; В г о с к е l m a n n, *loc. cit.* У Саркйса (ук. соч., 1206—1207) ни об одном из них почему-то нет речи.

⁵ В г о с к е l m a n n, *op. cit.*, III, 426—427.

⁶ Краткую оценку романов Сарруфа в общем ходе развития этого жанра дал М. Теймур в вводной статье к сборнику своих рассказов «аш-Шейх Сид ал-'Абит» (Каир, 1926, 47). (По-немецки сокращенно: К а m p f f m e u e r, MSOS, XXIX, 1926, 255, и полностью: G. W i d m e r, Die Welt des Islams, XIII, 1932, 54). Краткая характеристика романа дана мною в статье «Der historische Roman in der neueren arabischen Literatur» (Die Welt des Islams, XII, 1930, 83); содержание изложено у Brockelmann (*op. cit.*, III, 215—216).

нию их выслеживает находящийся на царской службе шпион, который, однако, попадает в руки японской полиции. На обратном пути они терпят кораблекрушение около острова Сокотры, но в конце концов для героев все кончается благополучно с прибытием их в Египет.

Действие разворачивается, главным образом, в Египте, отчасти в Англии и Японии—на театре военных действий, меньше всего в России. Автор очень хорошо рисует роль капиталистов и прессы в этой войне; любопытна его основная идея, что война была вызвана грандиозной биржевой спекуляцией в мировом масштабе. Симпатии к Англии не препятствуют ему изображать ее действия в этих событиях далеко в неприглядном виде. Для обычного читателя большой интерес представляет хорошая картина социально-экономических отношений в Египте, аграрного кризиса и биржевой лихорадки, которая совпала как раз с этим периодом. Россия по существу все время остается за кулисами: из сцен, происходящих в Петербурге, можно отметить только совещание революционеров после гибели адмирала Макарова с «Петропавловском» (стр. 125—127). Обсуждение вопроса о том, не наступило ли время начать решительные действия, излагается в очень примитивной форме; и здесь не обошлось без подчеркивания связи с иностранными финансами.

Роман Сарруфа, таким образом, несмотря на весь свой интерес, имеет к России только косвенное отношение. В противоположность этому, исключительно эпопее Порт-Артура посвящена повесть «Порт-Артур» Ас'ада Мансұра ал-Хаматй, напечатанная в Нью-Йорке в 1906 г.¹ К сожалению, если бы не этот сюжет, едва ли стоило бы о ней говорить. Об авторе никаких сведений у нас не имеется; произведение его нигде, кроме каталогов книжных фирм, не упоминается; очевидно, оно по достоинству прошло незамеченным.² Оно было издано популярной нью-йоркской газетой «Мир'ат ал-гарб» («Зеркало запада»), которая связана с тем же кругом писателей-поэтов, что были уже нами упомянуты.

Героем повести является «офицер Иван» и его брат со странным не то именем, не то фамилией «Якубеев», полковник морской службы в Порт-Артуре с 1902 г. Фигурирует невеста первого Анна, с которой герой знакомится в Москве в совершенно неправдоподобной для России того времени обстановке. Автор не затрудняет себя развитием сюжета. После нескольких страничек, посвященных знакомству с персонажами повести (стр. 3—19), действие переносится в Порт-Артур, куда с началом войны назначается герой, и все дальнейшее изложение (стр. 19—88) представляет в сущности хронику порт-артурских событий, достаточно подробную и сухую. Заключается повесть неизбежными стихами (стр. 84—88) и коротеньким описанием возвращения героя через Одессу в Москву (стр. 89—93). Все произведение проникнуто наивными тонами сентиментального патриотизма в том же стиле, как у арабско-американских поэтов. Повесть иллюстрирована портретами некоторых русских и японских военных деятелей частью по американским, частью по русским изданиям; две картинки, которыми автор пытается характеризовать бытовые сцены, носят фантастический характер и создают комическое впечатление.

К сожалению, и единственное, известное мне большое произведение, сюжетом которого является русская революция, проникнуто таким же

¹ Типография газеты «Мир'ат ал-гарб», 8^о, 93 стр. (В конце упоминается, что печатание было закончено 1 сентября 1906 г.).

² Единственное известное мне упоминание находится в моей же упомянутой статье «Der historische Roman. . .» (стр. 85, прим. 73).

своеобразным экзотизмом, хотя несколько более высокого качества. Это повесть доктора Халиля Са'аде, уроженца ливанского местечка Шувейр, которое выдвинуло немало литературных деятелей и в начале XX в. считалось центром вольнодумных «масонов». В литературе Х. Са'аде известен мало: в общем аккуратный библиографический справочник Саркйса упоминает только одну изданную им в Каире в 1908 г. популярную брошюру о туберкулезе.¹ Однако в том же году появился сделанный им с английского перевод много нашумевшего в свое время «Евангелия Варнавы», а значительно позже, в 1925 г., он напечатал в Сан-Паоло, в Бразилии, свой роман «Цезарь и Клеопатра», написанный им по-английски за 30 лет до того и датированный тоже Шувейром.² С этим самым Шувейром даже по своей сюжетной рамке связана и повесть, изданная им в Каире в 1905 г., «Асрар ас-саура ар-рүсийя» («Тайны русской революции») с подзаголовком «Историческая современная повесть».³

Свою точку зрения на события русской революции он высказывает в предисловии (стр. 3—4), сильно отличающемся по основной мысли от всех предшествующих произведений.

«Русская революция, огонь и пламя которой пылают до настоящего часа, произведет перемены в состоянии рода человеческого и вызовет прогресс наций в такой же мере, как ее сестра — французская революция в конце XVIII века — ударила по рукам преступной тирании, сломала оковы угнетения и кандалы деспотизма, выведя людей из мрака невежества и предрассудков на арену свободы к источникам культуры.

«Эта революция — не скачок в истории человеческого общества, а извержение вулкана, которое происходит по естественным законам вулканов; по внешности это кажется скачком, но если проникнуть в ее тайны и уразуметь причины, можно понять, что она является необходимым следствием естественных причин, которые долгое время оставались неведомыми и скрытыми. Это гнет, распространявшийся на 120 миллионов душ, которые огонь деспотизма превратил в пар в котле этой великой империи. А так как он не нашел себе выхода, то в этом котле произошел ужасный взрыв, и осколки от него разлетелись в воздухе как мелкая пыль.

«В этом рассказе мы разъясняем причины, которые действовали много веков, подготавливая умы и настроение народа, пока не запылала теперь революция, пламя которой вспыхнуло в Петербурге, в Москве, в Финляндии, в Польше, на Кавказе, во всех краях этой империи с обширными пределами. Мы указали, как отдельные представители народа подпадают под гнет губернаторов, деспотизм правителей и несправедливость чиновников; мы обрисовали всякого рода наказания и мучения, которые переносят ссыльные в Сибири; мы разъяснили приемы русского шпионажа в этой стране и всех столицах Европы, тайные действия нигилистов, их преступления, которыми полны все края Европы, от страха перед которыми трепещут сердца ее царей. Мы сняли завесу тумана со многих исторических тайн, которые до настоящего времени оставались под покровом неизвестности».

¹ Ук. соч., 1024.

² Der historische Roman. . . , стр. 85 и прим. 85. Brockelmann (op. cit., III, 479) указывает 1927 год.

³ Типография ат-Тамаддун, 8^о, 4, 142 стр. Несколько строк о ней у меня в статье «Der historische Roman. . . » (стр. 85); заглавие приводит Н. Pérès [op. cit., 63 (328). № 613]. Других упоминаний я не встречал.

Дальше автор в своем предисловии, пользуясь обычным литературным приемом, говорит, что содержание повести не измышлено, а основано на действительных фактах. Источниками его являются заслуживающие доверия писатели, которые специально обращались к этим вопросам, проехали по всей Сибири до ее крайних пределов, изучая жизнь ссыльных. Он пользовался газетами «цивилизованного мира во главе со знаменитой газетой Таймс, опубликовавшей ряд обстоятельных статей на эту тему».

Подчеркивая, что его повесть является первой на арабском языке, которая описывает современные действительные события русской революции, находящейся в разгаре, он заканчивает свое предисловие словами:

«. . . все это только страдания нации, численность которой превосходит 120 миллионов душ; она в муках рождает ребенка, подобного которому еще никогда не видели, имя которого „свобода“. Этого ребенка она крестила водой очей и кровью сердец, воплем сирот, рыданием вдов, плачем осиротевших, вздохами груди, стон от которых поднялся до небесного свода».

Если даже не отрицать значительной доли реторичности, а иногда наивности этого предисловия, все же можно видеть, что автор ставил себе серьезные цели в намеченном произведении. Однако осуществить их сколько-нибудь полно ему не удалось. Быть может, в этом виновата известная торопливость. В заключении повести (стр. 141) он сам говорит, что закончил ее в три недели, причём «перо неслось галопом и вскачь туда, куда мы хотели и куда не хотели». Первоначально он смотрел на нее только как на основу большого произведения, за которое возьмется когда-нибудь на досуге, и лишь, подчиняясь настояниям друзей, решил опубликовать в настоящем виде, даже не успев перечитать.

Хронологически повесть захватывает очень большой промежуток времени. Герой—Сергей Владимирович Горчаков,—который является главой революционного движения 1904—1905 гг., выступает как организатор покушения в Борках еще в 1888 г., имея уже долготелный революционный опыт. Нельзя отрицать, что автор располагал довольно значительными материалами, быть может восходящими к русским источникам. Конечно, ссылку его на рассказ Горчакова, с которым он встретился в Шувейре, когда тот покинул Россию, разочаровавшись в революции из-за ее кровопролитий и унижительного мира с японцами, приходится смотреть как на обычный литературный прием. Вероятно, таким же приемом является изредка ссылка на «Новое Время» (стр. 6, 29, 99) и «Новости» (стр. 32, 39), но что в числе его информаторов были русские,—об этом говорит такая мелочь, как очень редкая в иностранных источниках точность и правдоподобность русских фамилий. Конечно, и здесь бывают недоразумения, как обычное для иностранцев смешение отчеств с фамилиями¹ или появление некоторых фамилий, вероятно обязанных своим происхождением шутке собеседника.²

Однако серьезного знакомства с русской действительностью автор не обнаруживает. И в XX в. женщины подвергаются телесному наказанию публично на площади (стр. 13), заключенные пешком отправляются из Петропавловской крепости в Сибирь (стр. 14), путь из России в Колымск продолжается полтора года (стр. 24), сам Горчаков для агитации в 1904 г. едет в Томск на лошадях (стр. 122) и т. д. Очень картинно описывается

¹ Например Ольга Захаровна (стр. 56) или Иван Иванович (стр. 93).

² Владельцем большой ювелирной фирмы в Лондоне является «еврей Янкель» (стр. 69).

(стр. 136), как в полночь 3 января 1905 г. он спешит на конспиративное собрание в предместье Петербурга, во дворец, окруженный густыми садами, откуда разносится аромат цветов, а зеленые луга радуют взор. Все это, конечно,—мелочи, но при большом количестве они совершенно заслоняют фон и искажают картину реальной действительности.

Гораздо хуже то, что причины, вызвавшие революцию 1904—1905 гг., сколько-нибудь серьезно не освещены: все сводится к риторическим фразам и достаточно однообразным картинам произвола и самодурства. О настоящих революционерах автор представления не имеет: все они объединены под шаблонным названием «нигилистов», главный руководящий центр которых находится в Лондоне. Произведение превращается в обычный авантюрно-уголовный роман, переполненный убийствами то со стороны «нигилистов», то со стороны действующей за границей царской полиции. Весь ход событий основан на утомительном нагромождении невероятных совпадений и малопонятных случайностей. Событиям 1904—1905 гг. посвящены собственно только три последних главы, всего лишь около 20 страничек. Только в них есть речь о движении среди рабочих: руководители их, которыми оказываются те же «нигилисты», заключают соглашение с основным центром, и под влиянием их развертываются январские события, причем рабочие ставятся в известность далеко не о всех целях, которые преследуют «нигилисты».

Если бы отражение революционных событий в России начала XX в. ограничилось в арабской художественной литературе только произведениями типа повести Х. Са'аде, едва ли этот итог можно было бы признать положительным. Однако существовала другая линия этого воздействия, которая оказалась гораздо более жизненной и важной: воздействие на идеологию писателей и на создание произведений, не всегда сюжетно связанных с Россией. Мы не знаем, когда возникло знаменитое стихотворение в прозе Амйна Рейханй (1876—1940) «Революция», которое существует в переводе на русский и на украинский языки.¹ Оно вошло в сборник, напечатанный в 1910 г., но написано, вероятно, раньше; обыкновенно в нем видят отголоски французской революции, однако некоторые образцы говорят о том, что непосредственным толчком послужили русские события 1904—1905 гг. Надо, наконец, вспомнить, что 1907 г. принес арабам первый сборник произведений Горького — произведений, созданных только в 1906 г. под влиянием русской революции, насыщенных богатым революционным содержанием. Переводчик чувствовал это и сумел подчеркнуть в своем предисловии, несмотря на трудные условия египетской цензуры в это время. Мы знаем, что этот сборник проложил дорогу и другим произведениям Горького.² Так, революция 1905 г. ускорила знакомство арабов с великим писателем; если бы у них даже не оказалось других отражений в своей художественной литературе, то один этот факт следовало бы признать вполне достаточным.

Январь 1941 г.

¹ И. Крачковский. Восток, I, 1922, 49—50. — А. Ковалівський. Амін Рейханй. Революція, Харків, 1932, 61—65.

² Подробности о переводах Горького на арабский язык — см. мою статью (ИАН — ОЛЯЗ, 1940, № 1, 89—101).